

НА ПУТЯХ ВЕРЫ

ИЛЛЯ ГЛАЗУНОВ

НА ПУТЯХ ВЕРЫ

Галина ЧИНЯКОВА
Владимир БОЛЬШАКОВ

ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2018

УДК 244
ББК 86 372
Ч63

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-807-0284

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами книга о долгом, трудном, но необычайно ярком жизненном пути замечательного художника, ревностного и требовательного педагога, крупного общественного деятеля, горячего патриота своего Отечества — разнопланово одаренной, колоритной личности, положившей свой талант на служение России. Повествование основано на объемном труде самого Ильи Сергеевича Глазунова, написанном им кровью своего сердца. Он назвал свою книгу «Россия распятая». Пройдя путем веры чрез многочисленные жизненные испытания и искушения, преодолев их, на склоне лет Илья Сергеевич просил только об одном: «Верую, спаси, Боже, вдохнови нас противиться воле сил зла всем существом нашим, помыслами и делами добрыми...»

Мы надеемся и верим, что ныне, завершив путь жизни земной, раб Божий Илья снискал милость Божию. Пусть его жизнь, его напряженный поиск Высшей Истины и Высшей Красоты поможет и нам в выборе наших путей.

Николай, епископ Балашихинский

Чинякова Г.П.

Ч63 Илья Глазунов / Г.П. Чинякова, В.И. Большаков. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. — 416 с. — (На путях веры).

Книга посвящена творческому пути русского художника Ильи Сергеевича Глазунова. В ней рассказывается, как непросто складывалась его художественная жизнь, как упорно он стремился к познанию исторической правды о России, о ее духовных основах, главная из которых — вера. И.С. Глазунов много сделал в своем служении защите культурных ценностей нашего Отечества, он основал Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества, собрал замечательную художественную коллекцию, которую передал в дар своей Родине, и окончил свою насыщенную жизнь православным человеком.

© Московская государственная картинная галерея
народного художника СССР Ильи Глазунова, 2018
© Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви, 2018
© Чинякова Г.П., текст, 2018
© Большаков В.И., текст, 2018

ISBN 978-5-88017-697-7

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Илья Сергеевич Глазунов — человек, который сохраняет и оберегает предания Российской империи, мифы о ней. Он рожден Петербургом, столицей Империи, где сам воздух пропитан имперским духом. Империя не в московской, а именно в петербургской ипостаси сформировала его личность, выработала его мировоззрение. Империя давно рухнула, император вознесен на небеса, а Глазунов все еще охраняет тайны петербургских дворцов и предание об усыпанной алмазами императорской державе. В его сознании пламенеет мечта о вечно живой Российской империи.

Он никогда в своей просветительской и творческой деятельности не искоренял никакое проявление русского духа, но упорно и плодотворно возрождал традиционное русское сознание у целого поколения. Всякое живое национальное движение соприкасалось с Ильей Глазуновым, он дал жизнь множеству патриотических явлений. Через его мастерскую прошли сотни людей, которые имели свой календарный ритм, свои взгляды на жизнь, но он превращал их в легионеров — борцов за историческую Россию, за великую и неподражаемую цивилизацию, где каждая эпоха имеет свой глубинный смысл.

Я познакомился с Глазуновым еще в юности, до моих путешествий на север; когда еще не собирал русские песни, еще не был обладателем коллекции старинных, ярких, восхитительных русских сарафанов. Илья Глазунов в своей мастерской на Калашном ставил пластинку с записью Кубанского казачьего хора, привезенную им в Москву из Парижа, где изгнанные со своей Родины казаки исполняли родные религиозные песнопения.

Илья Сергеевич Глазунов никогда не стремился стать оппозиционером, старался сохранять доброжелательные, творческие отношения с властью, поскольку иначе невозможно созидать. Положение Глазунова

как художника, создателя и охранителя современной русской школы высокого реализма уязвимо, ему надо оберегать свое искусство, а это возможно только в разумном взаимодействии с властью.

Российская империя в 1917 году рухнула в пропасть, превратилась в черную дыру, в бездну. Русская цивилизация должна была исчезнуть навсегда, но таинственным, чудесным, волшебным способом из бездны, из черной дыры опять возродилось могучее государство.

Мы с Глазуновым едины во мнении, что русская история — это пульсирующее время, это галактика. Мы развиваемся, достигаем вершины, а потом падаем вниз и исчезаем, как будто навсегда. Но русское чудо каждый раз выносит нас на поверхность, вновь собирая страну, все это огромное пространство. Как затягиваются эти смутные бездны — известно одному Богу; это великое таинство, потому что в недрах черных дыр кажется, что на время исчезает русское государство, и, по существу, с русским государством исчезает и русский народ, превращаясь в скопление несчастных, обезумевших, обездоленных людей. Но потом все опять возрождается.

Илья Сергеевич много времени посвящает изучению глубинных истоков русской цивилизации. Мне кажется, очень важно знать и ощущать живительные корни нашего славянского, Русского мира. Надо помнить, что история русской цивилизации — это не собрание артефактов, статистики, археологических подтверждений и доказательств, это загадочное саморазвитие великой русской идеи. Эта загадка продолжает жить и сегодня. Русский народ создан Господом не для того, чтобы он оплетал свои чертоги ажурной вязью и служил «золотому тельцу». Русскому народу не страшны катастрофические удары тьмы. Илья Глазунов прозрел это чудо о России в своих гигантских исторических работах.

Илья Сергеевич — избранник Божий, он среди тех, кто формировал стержень той эпохи, которую мы переживаем. Ведь в 1950-х годах, когда он начал свою творческую деятельность, эпоха была совсем другая, но он стал тем творцом, который смог свои идеи пронести через шестьдесят лет активного художественного творчества, находясь все время на вершине славы. Конечно, здесь многое зависело и от его мужества, от его таланта, от его упорства, но главное — от Бога. Его посетило благодатное чудо, может быть, в детстве, может, позднее. Быть может,

это случилось, когда он вышел на цветущую лужайку и увидел, как над ней пролетает русская сойка с голубым крылом, и почувствовал, что он не может жить иначе, не воспевая и не охраняя это очарование русского мира. Это было мгновение, когда Ангел тронул его чувствительную юную душу. В его книгах этот момент не описан, и он об этом никогда не говорит, потому что это великое таинство. Но именно это откровение и предопределило его путь, его судьбу, его победу. Именно этим путем вел его Божественный Ангел Хранитель, нередко, в прямом смысле слова, по минному полю, всякий раз оберегая от катастрофы.

Я встречаюсь с моим другом нечасто. Иногда мы с ним перезваниваемся, иногда отмечаем памятные даты, юбилеи. Однажды он пригласил меня к себе в мастерскую и написал мой портрет, на котором я и сегодня вижу свое еще молодое лицо. Этот портрет украшает мою квартиру. Илья Глазунов написал меня, зная мое увлечение: в рубашке, усыпанной бабочками. Он написал эту дивную, самую простую и прекрасную бабочку-крапивницу, которая первой вылетает из-под снега и садится на нагретые солнцем заборы.

Эти строки писались, пока мастер был еще с нами, а 9 июля 2017 года перестало биться его горячее, любящее и наполненное верой в Творца и в Россию сердце. Его талант с течением времени проявляется все очевиднее, а боль утраты становится все острее.

Упокой, Господи, его душу!

Александр Проханов

ПРОЛОГ

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

А.С. Пушкин

*...Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество
или иметь другую историю, кроме истории наших предков,
такой, какой нам Бог ее дал.*

А.С. Пушкин

В 1925 году на XIV съезде ВКП(б) был взят курс на построение социализма в одной стране, а поскольку страна была окружена врагами, это означало, что ей предстоит война против всего мира. В июне 1930 года в Москве начал работу XVI съезд ВКП(б), объявивший взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к партии и указавший на необходимость усиления борьбы с троцкистами и правыми уклонистами, которая чуть позже перешла в свою активную фазу — физическое уничтожение всех инакомыслящих.

Новая экономическая политика, официально провозглашенная в марте 1921 года, придя на смену разорившему страну военному коммунизму и безжалостной продразверстке, вернула крестьянам стимул трудиться на своей земле. Но к 1930 году НЭП был ликвидирован, а частные предприниматели выдавлены из советской промышленности. Началась форсированная индустриализация и тотальная коллективизация, отправной точкой которой стало решение XV съезда ВКП(б) и которая привела к голоду на обширной территории страны; был провозглашен курс на воспитание нового человека-интернационалиста, лишённого национальной памяти. Такое воспитание уже началось: о нем написал в своем очерке Максим Горький, в 1929 году по личному приглашению И.В. Сталина побывавший в Соловецком лагере особого назначения.

«Соловецкий лагерь особого назначения — не “Мертвый дом” Достоевского, потому что там учат жить, учат грамоте и труду. Это не “Мир

отверженных” Якубовича-Мельшина, потому что здесь жизнью трудящихся руководят рабочие люди, а они не так давно тоже были “отверженными” в самодержавно-мещанском государстве. Рабочий не может относиться к “правонарушителям” так сурово и беспощадно, как он вынужден отнестись к своим классовым, инстинктивным врагам, которых — он знает — не перевоспитаешь. И враги очень усердно убеждают его в этом. “Правонарушителей”, если они — люди его класса: рабочие, крестьяне, он перевоспитывает легко», — писал Максим Горький в очерке «Соловки» о тех самых Соловках, через которые прошли не только уголовники, но и люди, обвиненные по политическим статьям, виновные в том, что они не принимали новую власть: это были священники, офицеры Царской армии, дворяне, представители интеллигенции, купцы, зажиточные крестьяне — и очень многие там погибли, а иные — как арестованный по навету священник Павел Флоренский — расстреляны. В том же 1929 году Маяковский написал: «Чтоб в эту / в самую в индустриализацию веры шоферия не теряла, / товарищи, и в быту необходимо взяться за перековку человеческого материала». В апреле следующего года поэт покончил с собой выстрелом в сердце.

В ноябре 1930-го газеты «Правда» и «Известия» опубликовали важную для понимания той эпохи статью Горького, проживавшего тогда в Сорренто. Статья называлась «Если враг не сдается, его уничтожают». В ней говорилось о необходимости продолжения пролетарского террора в СССР. «Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей; и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, его истребляют». Слова из заголовка горьковской статьи, множество раз повторенные в речах и докладах, напечатанные в газетах и прозвучавшие по радио, стали своего рода девизом и оправданием всех последующих массовых «чисток» и репрессий.

Деятельность партии по выявлению и истреблению врагов была признана успешной в 1934 году, на XVII съезде ВКП(б), названном «съездом победителей» (а позднее — «съездом расстрелянных»). На нем говорилось об окончательной победе партии над так называемой правой оппозицией (к которой причисляли Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.П. Томского и др.). Эти люди еще присутствовали на съезде, но уже публично каялись, признавая свои заблуждения, а через несколько лет

были расстреляны, как и более половины делегатов съезда, аплодировавших их разоблачению.

Для «перековки человеческого материала» требовалось истребить память о прежних временах, традиции и уклад жизни, характерные для прежней России. Власть делала все возможное, чтобы вытравить эту память. В 1920-е годы под предлогом сбора средств для голодающих Поволжья подверглись чудовищному разорению церкви, были осквернены мощи святых, сами церкви разрушены, взорваны или просто закрыты, а священники расстреляны или арестованы — с «черносотенным духовенством» большевики боролись с подачи В.И. Ленина с особой жестокостью. Против Патриарха Тихона, причисленного ныне к лику святых, несколько раз возбуждались уголовные дела.

В стране действовал Союз воинствующих безбожников, в задачи которого входило активное воздействие на массовое сознание граждан, очернение исторической России и православной веры. В июне 1929 года на II Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников, по примеру Франции 1793 года, в очередной раз предлагалось провести реформу летосчисления и начать его с первого года пролетарской революции. 15 мая 1932 года декретом правительства за подписью И.В. Сталина была объявлена «безбожная пятилетка», целью которой было добиться того, чтобы к 1 мая 1937 года имя Бога было «забыто на территории страны».

Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года, в которой говорилось: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи», не изменила общий настрой власти, но все же несколько замедлила работу репрессивного аппарата. Тем не менее в июле 1929 года была уничтожена часовня чудотворной Иверской иконы Божией Матери на Красной площади, в 1930 году — Симонов монастырь, основанный в XIV веке учеником преподобного Сергия Радонежского, в 1931 году взорван Храм Христа Спасителя, возведенный в память о русских солдатах и офицерах, победивших «Великую армию»¹ Наполеона. В 1937 году был расстрелян

¹ К 1812 году общее количество поставленных Наполеоном под ружье представителей разных стран составляло около миллиона отлично обученных человек со всеми вспомогательными и второстепенными подразделениями.

Патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский), причисленный ныне к лику святых. Из тридцати тысяч приходов Русской Православной Церкви, сохранившихся к 1928 году и составлявших примерно две трети от дореволюционного числа, в 1939-м оставалось около ста соборных и приходских храмов и ни одного действующего монастыря. Коренным образом все изменила война. Сталин в первые же дни войны обратился к народу со словами «братья и сестры», как обращается пастырь к своей пастве, как обращается православный человек к своим единоверцам. Он воззвал к глубоким народным чувствам, которые невозможно искоренить за двадцать лет любого режима; к лучшим качествам русского человека, готового любой ценой отстаивать свою землю от захватчиков. Власть обратилась к древним святыням и орденам, знакам отличия и лучшим традициям Русской армии. В 1943 году в Красной армии были восстановлены мундиры и погоны; по типу кадетских корпусов учреждены Суворовское и Нахимовское училища. Весной 1942-го, впервые за многие годы, власть разрешила верующим провести в Москве Пасхальные праздники. 4 сентября 1943 года митрополиты Московский и Коломенский Сергей (Страгородский), Патриарший Местоблюститель; Ленинградский Алексей (Симанский); Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич) были приглашены в Кремль для встречи со Сталиным, уже через четыре дня после этой встречи Собором русских иерархов митрополит Сергей был избран Предстоятелем Русской Православной Церкви и занял Патриарший престол, семнадцать лет пустовавший после кончины святителя Тихона.

15 мая 1943 года был упразднен Коммунистический интернационал, созданный в ожидании мировой революции. А 1 января 1944 года произошло еще одно знаменательное событие: «Интернационал», бывший прежде не только революционным, но и государственным гимном СССР, сменил новый гимн, первая строка которого звучала как вызов прежней идеологии и политике пролетарского государства: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Недаром снова зазвучали в те дни славные имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. О них снимались фильмы, их именем назывались танковые колонны и боевые самолеты. Во время войны стали

открываться храмы, духовные семинарии и академии, после Победы в 1946 году возобновилась церковная жизнь в Троице-Сергиевой Лавре, во многих монастырях; священников освобождали из тюрем, ряды пастырей пополнялись бывшими воинами, обретшими веру на полях сражений.

Вернемся, однако, в 1930 год: 10 июня пришлось на вторник. Вышедшие в этот день центральные газеты были полны важных сообщений о срыве сроков при строительстве Магнитского и Кузнецкого металлургических комбинатов; о том, что в Мариинке готовился к постановке балет «Раймонда» на музыку русского композитора, народного артиста Республики Александра Константиновича Глазунова («Правда»); «Ленинградская правда» рапортовала о работе III Областной партийной конференции и о борьбе за промфинплан; «Пионерская правда» критиковала варшавскую военщину и террористов, заложивших бомбу в советское полпредство в апреле 1930 года, а также объясняла, почему в детском лагере необходимо не только загорать, но и работать в поле; «Красный воин» отчитывался о XX партконференции военнослужащих и подготовке к XVI съезду ВКП(б); в Детском театре шла пьеса по повести Юрия Олеши «Три толстяка»; «Комсомольская правда» обличала «фокстротно-цыганскую плесень», газета «Красная звезда» уделила внимание советско-польскому конфликту, связанному с раскулачиванием и коллективизацией в приграничных районах Правобережной Украины... Страна жила обыденной жизнью, пытаясь забыть о Боге, уверенно начинала строить социализм.

Именно в этот, ничем особым не примечательный день родился мальчик, который впоследствии, пройдя через нелегкие испытания, сделал целью своей жизни борьбу за отстаивание русской национальной идеи и традиций. Своим творчеством он открыл глаза многим соотечественникам, явив красоту и неподражаемость русской православной культуры.

Рождение героя нашего повествования

В четверг, 12 июня 1930 года, Елизавета Дмитриевна Флуг (происходившая из старинного дворянского рода Прилуцких) записала: «У Олечки родился сын. Это долгожданное событие случилось во вторник, на следующий день после Дня Сошествия Святого Духа. Мальчик здоровенький, 3500 граммов весу. Оля писала: “Ребенка видела мельком, кажется довольно пролетарским”, а в следующем письме: “Сегодня он показался мне лучше, волосы с пробором на боку, с голубыми глазами”»².

В доме № 26 по Плуталовой улице в Ленинграде, на Петроградской стороне, на втором этаже жили две сестры со своими семьями. Из комнаты семьи композитора Рудольфа Мервольфа, где было уже двое детей, все время доносилась музыка, в комнате Глазуновых за дверью было тихо: здесь, не отрываясь от письменного стола, трудился отец семейства — соратник Питирима Сорокина, Сергей Федорович Глазунов, и лишь изредка плакал ребенок. Сын. Первенец.

Вот строки из письма Елизаветы Дмитриевны дочери Агнессе, сестре Ольги, написанного в субботу, 21 июня.

«Милая и дорогая Агенька!

Вот Олечка и дома. Приехала она вчера, часа в два. Я смотрела из окна комнаты, а по Плуталовой под окнами уже ходила Ниночка, которой тоже не терпелось. Слышу, она кричит: “Едут, едут...”, вижу, Олечка кивает, а Сережа с малюткой на руках. Выбежала я на лестницу, и внесли вместе. Мальчик очень слабенький, главное, умилило меня то, что рыженький — в Олину породу. Ротик у него маленький, Олин, но,

² Глазунов И.С. Россия распятая: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 58–59.

Сергей Федорович Глазунов — историк и экономист, доцент Ленинградского университета. Отец И.С. Глазунова. Ленинград. 1930-е. Умер в блокаду в январе 1942 года

Ольга Константиновна Глазунова, урожденная Флуг. Мать И.С. Глазунова. Санкт-Петербург. 1914. Умерла в блокаду в марте 1942 года

пожалуй, все же на Сережу больше похож или, вернее, на обоих: есть и Олино, и Сережино. Вчера он поразил своим спокойствием. Долго не засыпал, лежал с открытыми глазами, зевал и все молчал. Дети его обступили, особенно Аллочка, которая прямо приникла к нему, смотря со страхом (так как он плакал в это время) и в то же время глядя его рукой. Оля очень спокойная мамаша, кормит его по часам, встает к нему... Она очень похудела, но лицо такое хорошее, глаза стали большими, и какое-то новое выражение появилось — серьезное и мягкое...

Сережа не наглядится на сына. Оля говорит, сегодня он даже с обеда вскакивал, настолько рад, и приходил к “философу” (уж очень он серьезен...). Меня умилила картина: кормилица Оля. Наша-то затейница и шуточница!.. Она все делает без лишних слов и приговариваний, но как-то положительно и серьезно»³.

³ Глазунов И.С. Россия распятая. Т. 1. С. 59–60.

Илья Глазунов с мамой.
Ленинград. 1933

Через два года после рождения сына, освободив комнату для новых жильцов, не имевших родственных связей с семейством Мервольфов, Глазуновы уехали с Плуталовой улицы и поселились на углу Матвеевской⁴ и Большого проспекта на Петроградской стороне в квартирке на первом этаже. В бывшей комнате прислуги, повесив над кроватью икону, разместилась бабушка Елизавета Дмитриевна, комнату у передней занял мамин брат Константин Константинович Флуг (дядя Кока) с семьей, Глазуновым достались две комнаты: крохотная — Илье, побольше — родителям.

На столе у дяди Коки, известного ученого-китаиста, всегда было разложено множество старых манускриптов с иероглифами, неизменно привлекавших внимание маленького Ильи, над столом висел портрет К.К. Флуга работы знаменитого художника Павла Андреевича Федотова, выше — прекрасная копия с портрета Ван Дейка, строго смотрящего прямо на зрителя.

Именно в этой квартире большинству ее обитателей суждено было умереть страшной, голодной смертью во время блокады. Но эту трагедию еще ничто не предвещало, — пока на каждый день рождения Илюша получал от близких столько подарков, сколько ему исполнилось лет: ружье, пластмассовый пистолет, солдатики, открытки, книги... Книг в доме было множество, он читал их взахлеб. Чаще всего это были книги по истории.

Так в затерянную в питерских коммуналках семью, сохранявшую память о красоте и величии разрушенной Империи, ненадолго пришло

тихое счастье. Спустя всего десяток лет оно закончилось: по просьбе Михаила Федоровича Глазунова вывезли его мать и племянника из голодающего Ленинграда, оставив сноху, Ольгу Константиновну, одну в холодной квартире умирать. Почему дядя так поступил, навсегда осталось мучительной тайной и для не известного никому тогда мальчика Ильи, и для впоследствии всемирно знаменитого художника Ильи Сергеевича Глазунова.

Счастливое детство

В родословной будущего большого художника и великого гражданина России удивительным образом переплелись представители самых разных сословий, трудами и подвигами которых жила и богатела Российская империя. Нетрудно предположить, что аристократизмом в привычках, вкусах и убеждениях Глазунов обязан своим дворянским предкам, а трудолюбием — крестьянским корням. Умение вести дела — в нем от родных по купеческой линии, а боевой дух и самоотверженность — от кадровых военных. Горячая любовь к православным иконам — от священства. Наконец, начитанность, критичность и пылкость ума, стремление к неустанному самообразованию, которому художник отдавал всякую свободную минуту своей жизни, — от представителей ученого мира, которых тоже было немало в его родословной.

Крупные беды и мелкие неприятности, какими была наполнена жизнь людей в молодом Советском государстве эпохи диктатуры пролетариата, нисколько не затрагивали маленького Илью. Его детские годы были безмятежными и безоблачными, благодаря заботе безмерно любящих его домочадцев. Илья Сергеевич потом вспоминал, что его детство «было овеяно навсегда ушедшим духом петербургской дворянской семьи».

Особым праздником было Рождество Христово. За окном — вьюга, трескучий мороз. Отец приносил маленькую елочку — большая вызвала бы подозрение всевидящих большевистских надсмотрщиков. Мама мастерила наряды, клеила с Ильей картинки, родственники приносили старые игрушки, сохранившиеся еще с дореволюционных времен. Томительные и вместе с тем упоительные часы и минуты в преддверии праздника...

⁴ Название улицы — от церкви в честь апостола Матфея, взорванной в 1932 году.

Илья Глазунов с бабушкой Елизаветой Дмитриевной Флуг. 1938

Разве можно было забыть непередаваемый трепет в ожидании прихода сказочного Деда Мороза с ворохом подарков? Конечно, став взрослее, дети моментально узнавали тетю Инну⁵, одетую в застегнутое на спине пальто отца Ильи и вывернутую наизнанку шапку дяди Коки. Но это нисколько не умаляло их радости и не убавляло в доме шумного веселья.

Дядя Кока — мамин брат, Константин Константинович Флуг, которого родственники прозвали «князем Мышкиным». Спустя много лет его трогательный образ нашел свое воплощение в иллюстрациях И.С. Глазунова к роману Достоевского «Идиот». Впоследствии, глядя на сохранившуюся фотографию Константина Константиновича, Илья Сергеевич поражался, насколько точно отразились в нем черты удивительного героя Федора Михайловича, каким себе представлял его художник.

Илья любил рассматривать хранившиеся у бабушки папки с репродукциями произведений классической живописи из немецких

календарей об искусстве. Иллюстрации были маленькими, но четкими и благородными по тону. Рубенс, Ван Дейк, Рембрандт, Тициан, Джорджоне, Боттичелли, Караваджо и другие великие имена были спутниками его счастливого петербургского детства.

Мама и бабушка постоянно читали Илье книги, перед сном пели ему старинные песни, передававшиеся в семье из поколения в поколение. Переполненный впечатлениями, засыпая, он старался представить себе Илью Муромца и Соловья-разбойника, Бородинское сражение и князя Александра Васильевича Суворова, костры, горящие у стен Измаила, и лица суворовских солдат — точно-точно как на картине В.И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы», которая так поразила его воображение в Русском музее.

У бабушки Елизаветы Дмитриевны сохранился семейный альбом, куда, в лучших дворянских традициях, родственники, друзья и знакомые записывали что-то памятное и доброе. Страницы альбома были заполнены рисунками и стихами, написанными по-французски. Автором некоторых рисунков, с бабушкиных слов, был Павел Андреевич Федотов.

Бабушка говорила дочери: «Оля, ты должна первой написать в Илюшин альбом сокровенные слова, ему посвященные. Когда он будет взрослым, а нас уже не будет на свете, ему будет такой радостью прочесть слова матери». Ольга открыла старинный альбом в темно-синем переплете с золотым тиснением надписи славянской вязью, но так и просидела за чистым листом... «Все мои слова так ничтожны в сравнении с моей бескрайней любовью к единственному сыну: верю, он и так всю жизнь будет помнить, что я люблю его вечно», — ответила она матери. Отец же написал слова, многие годы поддерживавшие Илью Сергеевича во всякую трудную минуту: «Милому сынку. Хотел бы, чтобы ты

Илья Глазунов в детстве. Ленинград. 1938

⁵ Мальвини И.А. (ум. 1943) — жена Константина Константиновича Флуга, актриса.

всегда чувствовал, что есть у тебя верный и беззаветный друг — старый Бяха, для которого твои радости — и его радости, твои несчастья — и его несчастья, друг, к которому ты можешь придти всегда со всем плохим и со всем хорошим. Stary Bjacha. 19/III 1940». По старинной русской традиции у каждого члена семьи было свое домашнее имя: Ольгу Константиновну Глазунову Илья звал Ляка, Сергея Федоровича — Бяха⁶.

Вопреки тому, что в ту эпоху аристократическое происхождение могло стать поводом не только для неприятностей, но и для репрессий, семья продолжала заботливо хранить свои традиции, стараясь передать их младшему поколению. Поначалу маленький Илья был надежно огражден от «дурного влияния улицы». Несмотря на упреки родственников мужа, Ольга Константиновна, родив ребенка, перестала работать, всецело посвятив себя воспитанию сына. Она понимала, что это осложняет материальное положение семьи, но не могла заставить себя доверить свое любимое чадо советскому дошкольному учреждению. В то самое время, когда страна вытравливала в себе память о тысячелетней русской истории, маленькому Илюше прививали в семье любовь к Отечеству и уважение к памяти предков. Не приняв душой «хи-меру большевизма», мать всеми силами стремилась избавиться от этого и своего сына. Он читал книги из домашней библиотеки, рассматривал гравюры, рисунки и семейные альбомы, родители и бабушка вели с ним долгие душевные разговоры во время прогулок по улицам и набережным Северной столицы.

Навсегда запомнилась Илье первая в жизни фотосъемка. Лысый «старорежимный» фотограф в жилетке, с засученными рукавами рубашки, обнажающими мохнатые руки, привычно сказал маме:

— Мадам, дайте ребенку в руки игрушку и возьмите его на колени.

Илья всем сердцем в тот момент почувствовал, что происходит что-то необычное.

— Мальчик, как тебя зовут?

— Илюша, — шепотом ответил он.

— Кем хочешь быть? — говорливо продолжал фотограф, прилаживаясь к оранжевому ящику на ножках. («Почему он себя черной тряпкой накрывает?» — подумалось Илье.) — Летчиком, наверное? Хорошо, что

летчиком, а не налетчиком, — не унимался из-под черной тряпки фотограф. Затем, высунувшись, спросил: — Видишь эту дырочку? — и указал пальцем на объектив. — Смотри туда, сейчас вылетит птичка. Птичка-Жар-птичка. Понял?

И Илья стал смотреть во все глаза. Тем временем фотограф открыл круглую крышечку объектива.

— Раз, два, три! — победоносно, выделив слово «три», сказал он и артистическим движением закрыл черную крышку. — Вы свободны. Кто следующий?

— А где же птичка? — спросил Илья.

— Птичка? Какая птичка? — вытаскивая кассету из ящика и уже не обращая внимания на мальчика, переспросил фотограф.

— Почему не вылетела Жар-птица? — недоумевал Илья, забыв смущение и робость.

— Возможно, в следующий раз и жареная птица вылетит, приходи почаще, — балагурил фотограф в жилетке, приглашая на освещенное яркой лампой кожаное кресло новых посетителей.

Возвращаясь с мамой домой, Илья горько плакал:

— Я так верил, я так ждал!

Это был первый обман в его жизни, который он так и не смог забыть.

На фотографии мальчик увековечен с открытым ртом в ожидании сказочной Жар-птицы, так и не вылетевшей из оранжевого ящика на трех ножках. Портрет очень не понравился маме. Ныне оригинал и копию с него бережно хранят семья Ильи Сергеевича и его двоюродная сестра Алла Рудольфовна Владимирская (Мервольф), проживающая в Санкт-Петербурге.

Эта фотография 1934 года снята фотографом, обещавшим, что мальчик увидит Жар-птицу

⁶ Глазунов И.С. Россия распятая. Т. 1. С. 70.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	6
Пролог	9

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД

Рождение героя нашего повествования	14
Счастливое детство	17
Первые уроки живописи	24
Советская школа	25
Семья отца	27
Три брата — три разные судьбы	29
Семья матери	38
В купели у святителя Спиридона	42
Царский генерал Григорьев	43
Монтеверде и Мервольфы	46
Беда	49
Просто жизнь	58
Средняя художественная школа	67
Школа — это крылья художника	76
Правда жизни	79
Первые увлечения	85
На «стройке коммунизма»	91
Град Китеж	97
Мать городов русских	100
«О Русь моя, жена моя..»	102
Рюрик — внук Гостомысла	107
В Сибирь, на родину Сурикова	114
Минусинск. Князь Оболенский	117
Поиски своего пути: опровержение догм социалистического реализма	121
«Аживая оттепель»	126
Алексий I, Патриарх Московский и всея Руси	139

МОСКОВСКИЙ ПЕРИОД

И один в поле — воин	144
Фестиваль молодежи и студентов	145
Опальный художник	150
Благодетель	152

Студия для дипломатов	157
Декабрь 1962 года	161
Вечный город	166
Выставка в Манеже	179
Париж	183
Клуб «Родина»	189
ВООПИиК	193
Литературные журналы	203
Федор Достоевский	209
Друзья и единомышленники	216
Аппаратчики	219
Клуб «Россия»	222
Признание мастера	222
«Мистерия XX века»	223
Неоткрытая выставка на Кузнецком	228
На БАМе	232
Музыка и театр	236
Бескомпромиссность	242
Новые мистерии	246
Владимир Солоухин	255
У автора «Русского леса»	258
Башня Моссельпрома	261
Ваня и Вера	264

ШКОЛА ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

Соборное движение	283
Наставничество	287
Государственное служение	290
Перестройка	293
Испания, Италия... ..	294
Портретная мастерская	300
Академия Ильи Глазунова	300
Россия распятая	316
Священные камни Европы	318
Галерея Ильи Глазунова	320
Коллекция. Музей сословий России	328
Вместо эпилога	338

Серия «На путях веры»
Духовно-просветительская литература

Чинякова Галина Павловна
Большаков Владимир Ильич

Илья Глазунов

Главный редактор
Издательства Московской Патриархии
епископ Балашихинский Николай

Издание подготовлено Московской государственной картинной галереей
народного художника СССР Ильи Глазунова
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 13

Художественный редактор
директор Галереи Ильи Глазунова И. Орлова

Куратор издания С. Колотовкина

Подбор иллюстраций П. Шабанова

Макет, дизайн обложки, цветокоррекция, верстка: Е. Петрова
Фотосъемка: А. Павлов, А. Сушенков, А. Кулешов, С. Козырев

Заведующая редакцией Т. Тарасова

Редактор Г. Чинякова

Выпускающий редактор И. Черкесова

Технический редактор З. Кондрашова

Корректор М. Просветова

Подписано в печать 13. 05. 2018

Формат 70х100/16

Объем 26 печ. л.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Заказ №

Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, 18

Оптовый отдел реализации:
(499) 246-20-85, 246-52-08

Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35

e-mail: books@rop.ru

<http://www.rop.ru>